

СТРАНИЦА АСПИРАНТА

УДК 94(438)“17”

**ПОЛИТИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ
ГЛАЗАМИ ПУБЛИЦИСТОВ КОНЦА XVIII ВЕКА¹**

Н. А. Демяновский

Санкт-Петербургский государственный университет, Институт истории, г.
Санкт-Петербург, Россия

Статья посвящена полемике в польской общественной мысли второй половины XVIII в. вокруг вопроса о необходимости сохранения выборной монархии. Северин Жевусский, наиболее значимый представитель традиционалистов, стремившихся сохранить устои Речи Посполитой, настаивал на том, что все беды Польши идут от «инострannого влияния». Его самым известным оппонентом являлся Гуго Коллонтай, сторонник реформ, один из авторов Конституции 3 мая 1791 г. В выборной монархии он видел угрозу независимого существования Речи Посполитой. Автор отмечает, что обе полемизирующие стороны связывали будущее Речи Посполитой с республиканской формой правления. Автор заключает, что несмотря на провозглашённый в Конституции 1791 г. принцип передачи престола по наследству, институт выборной монархии в ходе второго раздела Польши (1793) был восстановлен.

Ключевые слова: *Гуго Коллонтай, Северин Жевусский, вольная элекция, Конституция 1791 г., Речь Посполитая, разделы.*

Польские публицисты не раз задумывались о современном им состоянии властных структур Речи Посполитой. В XVI–XVII вв. об этом размышляли, в частности, такие видные деятели своего времени, как Петр Скарга² и Шимон Старовольский³. В XVIII столетии такого рода проблематика приобрела особую злободневность. Одно из объяснений тому, почему в эпоху польского Просвещения, политическое устройство вызвало ещё больший, по сравнению с предыдущими эпохами, интерес и стало в ещё большей степени актуальной проблематикой, предложил современный историк Влодзимеж Бернадский, увидев причину появления в XVIII в. значительного числа «пишущих о государстве и законе, более того, пишущих много больших трактатов», в том, что сами современники, по утверждению

¹ Научный руководитель – докт. ист. наук, доцент кафедры истории славянских и балканских стран СПбГУ Л. М. Аржакова.

² Skarga P. Kazania sejmowe. Wrocław, 2010.

³ Starowolski S. Reformacja obyczajów polskich. Kraków, 1859.

историка, воспринимали как «век упадка»⁴. Впрочем, трудно в полной мере согласиться с оценкой учёного, согласно которой, состояние, Речи Посполитой в XVIII в., подразумевая столетие полностью, следует категорично именовать «упадком». В конце концов, правление Станислава-Августа Понятовского и самими современниками, и последующими поколениями историков воспринимается и как время реформ (Одним из первых мероприятий в этом направлении было создание Кадетского корпуса и Рыцарской школы, выпустившей из своих дверей таких известных фигур, как Тадеуш Костюшко и Юлиан Урсин Немцевич). Показательным в этом смысле можно считать мнение Владислава Конопчиньского, который в последних десятилетиях независимого существования Польши увидел «тройной поворот... умственный, политический и экономический»⁵.

При попытке проанализировать суждения о государственном устройстве Речи Посполитой, характерные для периода правления Станислава Августа Понятовского (1764–1795 гг.), целесообразно обратиться к сочинениям Северина Жевусского (Seweryn Rzewuski) и Гуго Коллонтая (Hugo Kołłątaj), выразившим крайние точки зрения по этому поводу. Первый из них – польский гетман, один из лидеров так называемой «гетманской партии» или, как её иногда именуют в польской историографии, «республиканской». Её ядро составляли магнаты, главным стремлением которых было не допустить ограничения «золотых вольностей» шляхты. Коллонтай – глава Эдукационной комиссии и сторонник проведения широких реформ.

Известно, что особую роль в Станиславовскую эпоху сыграл Великий (Четырёхлетний) Сейм (1788–1792), на котором была предпринята попытка создать фундамент обновленной Речи Посполитой. Кульминацией реформаторской деятельности Сейма по праву принято считать Конституцию (Правительственный Закон), провозглашённую 3 мая 1791 г. Однако уже в ходе обсуждения её проекта на заседаниях Сейма и в публицистике развернулась активная дискуссия. Основным вопросом являлось предложение творцов польской Конституции, – чутко улавливающих передовые идеи, которые находили широкий отклик в польском обществе второй половины XVIII в., – отказаться от свободных выборов в пользу передачи престола по наследству. Надо заметить, что принцип элекции был одним из основополагающих принципов шляхетской Речи Посполитой, установленных вскоре после заключения Люблинской унии (1569) и закреплённых в Генриховых Артикулах (1573).

В польской общественной мысли всё чаще звучали голоса с требованием отмены принципа элекции⁶. Как объясняет это Зофья Зелиньска, «авторитет... института (элекции. – *Н. Д.*) в Станиславовскую эпоху был

⁴ Bernacki W. Myśl polityczna I Rzeczypospolitej. Kraków, 2011. S. 163.

⁵ Konopczyński W. Polscy pisarze polityczny XVIII wieku. Kraków, 2012. S. 530.

⁶ См.: Konarski S. Wybór pism politycznych. Kraków, 1921.; Lobarzewski I. Testament polityczny. Warszawa, 1789.

сильно подорван»⁷. Однако с мнением современной польской исследовательницы можно согласиться лишь отчасти. Как известно, сомнения в целесообразности сохранения ключевых институтов Речи Посполитой, каковым выступала свободная элекция и принцип *liberum veto*, названный Станиславом Конарским «источником всех болезней Речи Посполитой»⁸, проявились в шляхетской среде ещё в правление короля Августа III (1734–1763).

Одним из тех, кто выступал против ликвидации традиционных шляхетских институтов власти, был Северин Жевусский. Его труды, и особенно – брошюра «О наследственном троне в Польше»⁹ (1790), увидевшая свет в разгар полемики между сторонниками и противниками сохранения вольной элекции, – выступают, как выразился Аркадиуш Стасьяк, своеобразным «толкованием основ польского традиционализма»¹⁰. Поэтому произведение Жевусского, безусловно, следует рассматривать в контексте той публицистической борьбы в Станиславовскую эпоху, апогей которой, по словам Анны Гжешковяк-Крвавич, «пришёлся на 1790 год, когда поднялась дискуссия по поводу необходимости введения наследования трона»¹¹.

Ключевая идея, которую лидер «гетманской» партии стремился донести в своём сочинении до соотечественников, в целом, соответствовала представлениям шляхетской среды об основных правах, какими издавна обладало польское дворянское сословие Речи Посполитой. К таковым относилось как право свободного выбора короля, так и несогласия с его политикой, которое нередко находило выражение в рокошах и конфедерациях¹². Как и многие политические писатели Станиславовской Эпохи, Северин Жевусский зачастую апеллировал к средневековой истории, где как раз и находит истоки выборной монархии в Польше. При этом он в первую очередь стремился аргументировать тезис, что выборы короля издавна были неразрывно связаны с сохранением «золотых шляхетских вольностей», поэтому в данных ретроспекциях у него постоянно звучала идея о необходимости сохранения свободы, что для него было тождественно сохранению принципа выборности королей. Польный гетман исходил из уверенности, что в те далёкие времена князь получал определённую территорию от умершего отца или брата в собственное управление не по принципу наследования, а только после «согласия покладистых братьев, сенаторов и шляхты»¹³. Нетрудно заметить, что подобная система передачи власти переключи-

⁷ Zielńska Z. «O Sukcesji Tronu w Polsce» 1787–1790. Warszawa, 1991. S. 13.

⁸ Bernacki W. Op. cit. S. 304.

⁹ См.: Zielinska Z. Republikanizm spod znaku Bulawy. Publicystyka Seweryna Rzewuskiego z lat 1788–1790. Warszawa, 1988. S. 107; Konopczyński W. Polscy pisarze polityczny...

¹⁰ Stasiak A. M. Teoria władzy monarszej czasów stanisławowskich. Lublin, 2013. S. 29.

¹¹ Grześkowiak-Krwawicz A. Czy rewolucja może być legalna? 3 maja 1791 w oczach współczesnych. Warszawa, 2012. S. 48.

¹² Stasiak A. M. Op. cit. S. 117.

¹³ Цит. по: Zielinska Z. Republikanizm spod znaku Bulawy... S. 134.

кается с принципом сеньората, который, согласно Статуту Болеслава Кривоустого (1138), был введён тогда в Польше (хоть и недолго продержался).

Нельзя не признать, что такие ретроспекции, несмотря на политический опыт Польши, были характерны для публицистики Речи Посполитой, недаром Владзимеж Бернадский отмечает, что «значительная часть брошюры Жевусского... представляет собой собрание цитат из “Хроники” (Яна Длугоша. – *Н. Д.*)»¹⁴. Вместе с тем, обращает на себя внимание, что правление династии Ягеллонов в польских землях гетман воспринимал достаточно критически, что, не исключено, им было воспринято от Яна Длугоша, известного своими антиягеллонскими настроениями. Так, он скептически заявлял, что: «поляк... хватается за... сказки о Ягеллонах; верит, что в то время в Польше был наследственный престол; полагает, что это соответствует свободе»¹⁵. Судя по всему, Северин Жевусский был уверен, что при Ягеллонах в Польше установилась наследственная монархия, в условиях которой шляхта была практически отстранена от политической власти, что, разумеется, абсолютно не устраивало гетмана как защитника шляхетских привилегий. Достаточно вольно оперируя историческими примерами, которые были способны подтвердить его негативное отношение к наследственной форме правления, своей главной задачей публицист считал характеристику политической ситуации в Речи Посполитой, сложившейся в конце 1780-х гг. Поскольку тогда – согласно новой Конституции – появлялась опасность, что прерогативы короля будут настолько расширены, что это неизбежно приведёт к значительному сокращению политического влияния шляхетского сословия. Для самого Жевусского и его единомышленников это означало не что иное, как прямое наступление на дорогую их сердцу «золотую вольность», реальную утрату всех прежних (и привычных) прав и свобод. Именно по этой причине польный гетман спешил предостеречь соотечественников от ликвидации принципа свободной элекции короля.

Размышляя о возможном развитии событий в случае изменения принципов политического устройства Речи Посполитой, гетман писал, что тогда «сын станет сменять отца на троне, будучи наследником отцовского трона, проблем и мести...»¹⁶. По мнению Жевусского, такая ситуация приведёт к тому, что король окажется в состоянии «поссорить первых лиц и сильнейшие роды, чтобы они не смогли прийти на помощь свободе»¹⁷. Очевидно, что подобная перспектива автора решительно не устраивала, поскольку тогда важные государственные дела оказались бы в руках одного человека – монарха. Жевусский, однако, был совсем не уверен, что решения, принятые единолично, окажутся правильными, тем более что, на его взгляд, шляхта до недавнего времени вполне достойно справлялась со

¹⁴ *Bernacki W.* Op. cit. S. 382.

¹⁵ Цит. по: *Zielinska Z.* Republikanizm spod znaku Bulawy... S. 182.

¹⁶ *Ibidem.*

¹⁷ *Ibid.* S. 111.

своими обязанностями, участвуя в решении важных государственных вопросов (что предписывала ей давняя традиция).

Также гетман пытается понять причины, побудившие его соотечественников выдвигать такие проекты государственного устройства, которые не предусматривали дальнейшего сохранения вольной элекции. Корень зла, как он считал, заключался в том, что современным полякам был свойствен, как он выражался, «иностранный способ мышления»¹⁸, получивший широкое распространение в Речи Посполитой Станиславовской поры, кроме того, недоставало им и знания «законов и истории»¹⁹. Нельзя, однако, не заметить, что, выдвигая свои претензии соотечественникам, Жевусский, практически проигнорировал тот факт, что призывы к отмене вольной элекции звучали в Польше и раньше, в том числе в публицистике. Но возникает вопрос, что гетман понимал под «иностранным способом мышления»? Не исключено, что под ним он подразумевал идеи Просвещения, воспринятые многими поляками (современниками Жевусского) из Европы, где Жан-Жак Руссо, Дени Дидро и другие философы выступали, в частности, с предложениями изменить европейскую систему образования. Возможно, именно такие проекты вызывали опасения у Северина Жевусского, категорически протестовавшего против тех преобразований (в том числе, в системе воспитания и образования, формировавшего особую шкалу ценностей), которые в конечном были способны привести поляков к мысли о необходимости отказа от выборов короля. По-видимому, польный гетман и его единомышленники считали для себя невозможным допустить такого развития ситуации, при котором шляхта рисковала потерять лидирующую роль в политической жизни Польши, одним из наглядных выражений чего была возможность едва ли неограниченного влияния на короля, особенно на стадии его избрания.

Пожалуй, одним из самых известных оппонентов классических традиционалистов вроде Северина Жевусского был Гуго Коллонтай – один из авторов Конституции 1791 г. Его брошюру «О наследственном троне и других важных вопросах»²⁰ во многом можно считать непосредственным ответом польному гетману со стороны реформаторов. Именно в этом произведении Коллонтай подверг острой критике возможность сохранения элекционной монархии.

Чтобы быть последовательным в своей критике, по всей видимости, публицист решил сделать акцент на размышлениях о свободе и формах государственного устройства. Но если Северин Жевусский, рассуждая о преимуществах элекционной монархии, обратил подчёркнутое внимание читателей на необходимость сохранения политической свободы шляхты, то Гуго Коллонтай, вступая в дискуссию с гетманом, предпочёл говорить не

¹⁸ Zielinska Z. Republikanizm spod znaku Bulawy... S. 111.

¹⁹ Ibid. S. 107.

²⁰ Kollqtaj H. O sukcesji tronu i innych sprawach najwazniejszych // Kuźnica Kołłątajowska. Wrocław, 2010. S. 71–83.

столько о целесообразности сохранения политических прав (свобод) у шляхты (призывы к необходимости разрушения политической монополии шляхты в Сейме можно встретить в сочинениях современника Жевусского и Коллонтая – Станислава Сташица²¹), сколько о недостатках государственного устройства Речи Посполитой. Это нельзя не признать справедливым, поскольку уже сам факт полемики во многом свидетельствовал о тех изъянах, которые за пару сотен лет проявились в той форме государственного устройства (именуемой в современной польской историографии «смешанной монархией»²²), которая с введением Генрховых Артикулов предусматривала вольное избрание королей. Недаром Гуго Коллонтай последовательно критиковал Северина Жевусского, настаивая на том, что вольная элекция породила немало пороков в Речи Посполитой. При этом в качестве подтверждения он указывал на злоупотребления, которые порой имели место во время вольной элекции, когда «сила была за одним кандидатом, за другим амбиции»²³ и порой было не обойтись без выяснения отношений, в ходе которого «оба (претендента. – *Н. Д.*) захотят мечом поддерживать законность своих притязаний; один удержится на троне, но оба разрушат государство»²⁴. По всей видимости, реформатор стремился напомнить читателям о борьбе за престол между Августом II и Станиславом Лещинским – противостоянии, которое длилось много лет и ослабило Польшу, поставив её в конечном итоге в зависимость от России.

Значительное место в сочинении Коллонтая уделено размышлениям о том, что собой представляет республика. В понимании главы Эдукационной комиссии, «республиканское правление зависит не от сокращения полномочий короля, а от постоянной деятельности лиц, избранных народом и исполняющих его волю»²⁵. Обращает на себя внимание, что наблюдения современника мало чем отличаются от выводов современных историков. Так, например, Владзимеж Бернадский по поводу особенностей политического устройства Речи Посполитой пишет, что «в польских реалиях республика была монархией, уравновешенной посольской избой и сенатом»²⁶.

Однако, как показывает полемика между Жевусским и Коллонтаем, даже в случае изменения формы правления, которое предусматривала Конституция 1791 г., привычное наименование Польско-Литовского государства Речью Посполитой во многом бы по-прежнему себя оправдывало²⁷.

Может быть поэтому Коллонтай особенно не смущало, что в республике может существовать институт королевской власти, что как раз бы-

²¹ *Staszic S. Przestrogi dla Polski*. Wrocław, 2010.

²² См. подр.: *Markiewicz M. Historia Polski 1492–1795*. Kraków, 2004.

²³ *Kollątaj H. Op. cit. S. 72.*

²⁴ *Ibidem.*

²⁵ *Kollątaj H. Do Stanisława Małachowskiego referendarza koronnego o przyszłym sejmie Anonima listów kilka // Listy Anonima i Prawo polityczne narodu polskiego*. Warszawa, 1954. Т. 1. S. 35.

²⁶ *Bernacki W. Op. cit. S. 10.*

²⁷ *Ibid. S. 5–7.*

ло характерно для Речи Посполитой. Для подтверждения естественности такого положения вещей публицист приводил примеры государств, в которых, как он считал, установилось республиканское правление: «В Голландии наследственное командование над войском и управление администрацией находится в руках Штатурдера; при этом можно ли говорить, что народ, ставший голландцами, не является республикой? Сенат в Англии или Высшая Палата Парламента складываются из наследственных мест; можно ли говорить, что английский народ не является истинно свободным?»²⁸. Иначе говоря, республикой, по мысли Коллонтая, можно считать такую форму государственного устройства, при котором допустимо сосуществование парламента и монарха, где парламент играет значимую политическую роль, при этом выступая противовесом власти монарха.

Однако здесь же Гуго Коллонтай делал оговорку, что следует учитывать разницу «между королевской властью и единовластием... между преемственностью управления и преемственностью в наследовании»²⁹. Похоже, что «преемственность в управлении» для него означала сохранение того курса, который государство проводило и на международной арене, и во внутренней политике. Что же касается «преемственности в наследовании», то это, скорее всего, надо было понимать так: мероприятия, которые начинал реализовывать один монарх, продолжал бы его наследник. Но «преемственность в наследовании» – это как раз то, что было неприемлемо для поляков, поскольку расходилось как с польскими политическими традициями, так и с политической практикой, не допускавшей установления в Речи Посполитой абсолютной власти.

В ходе полемики с польным гетманом, глава Эдукационной Комиссии стремился подчеркнуть, что принцип избрания королей, за необходимость сохранения которого ратовал Жевусский, – это только один, но далеко не самый главный признак элекционной монархии (т. е. польского варианта республики). Критикуя позицию своего оппонента, Коллонтай напоминал: «Кто дает польскому народу... конституцию полностью свободную... кто дает ему просвещение... – тот удалит от него и подлость, и неволю; но не тот, кто основывает всё счастье народа на элекции королей, кто внушает ему подлость и никчемность, кто критикует и осуждает обучение»³⁰. Будучи уверен, что свободы в Польше было недостаточно, Коллонтай предлагал, что при выборе будущего государственного устройства Речи Посполитой определяющим критерием должна стать именно максимально допустимая при этом устройстве степень свободы.

Как справедливо заметила современная исследовательница Анна Гжешковяк-Крвавич, противники и сторонники Конституции 3 мая считали, что «политическая свобода, а тем самым и республика, существует только

²⁸ *Kollontaj H.* O sukcesji tronu... S. 73.

²⁹ *Ibidem.*

³⁰ *Ibid.* S. 76.

тогда, когда законодательство находится у народа»³¹. Однако трактовка того, что есть «свобода» и «народ» у Северина Жевусского и Гуго Коллонтая значительно отличались. Для польного гетмана свобода – это право шляхты принимать политические решения и оказывать влияние на государственную политику. Угрозой потери именно этих привилегий было обусловлено решительное выступление Жевусского против отмены выборов монарха, что превращало бы шляхту в одного, но не главного, участника политической жизни. Гуго Коллонтай, в свою очередь, отождествлял свободу с правами каждого человека, данными ему от рождения («предмет, с которым родился каждый человек»³²), которые никто не должен нарушать. Хотя пояснений по поводу того, кого стоит считать «каждым человеком» публицист не приводит. По-разному трактовали Коллонтай и Жевусский и понятие «народ»: если для Гуго Коллонтая «любой человек, родившийся в Речи Посполитой, проживающий или приехавший сюда», собственно, и составлял народ, то польный гетман (оставаясь в рамках традиции) считал, что это шляхта, т. е. единственное сословие польского общества.

Проанализировав сочинения Северина Жевусского и Гуго Коллонтая, можно заключить, что в их рассуждениях о государственном устройстве на первый план, в основном, выходили вопросы, связанные с формой будущего правления в Польше. Если для польного гетмана основополагающим было стремление к сохранению элекционной монархии в Речи Посполитой без каких-либо существенных изменений, способных нарушить политический баланс, закрепленный в Генриховых Артикулах, то для Гуго Коллонтая подобная категоричность была отнюдь не свойственна. С одной стороны, он считал, что модель, которую защищал лидер «старошляхетской» партии, несовершенна и имеет немало недостатков, угрожающих Польше потерей государственного суверенитета. С другой, по его мнению, наиболее подходящая для Польши форма правления (пусть с известными оговорками) – республика, т. е. то самое устройство, которое во многом напоминало элекционную монархию, защитником незыблемости которой позиционировал себя Жевусский. Таким образом, следует подчеркнуть, что при известных расхождениях друг с другом оба участника дискуссии будущее Речи Посполитой связывали исключительно с республиканской формой правления.

Несмотря на то, что рефлексии поляков по поводу государственного устройства Речи Посполитой отчасти получили выражение в Конституции 3 мая 1791 г., в полной мере оценить степень реализуемости на практике тех идей, которые были характерны для общественной мысли Станиславовской эпохи, не представляется возможным (во всяком случае, варианты толкования этих идей остаются). Достаточно вспомнить, что провозглашение Правительственного Закона было встречено польским обществом отнюдь не единодушно, и лагерь противников Конституции, что не удиви-

³¹ *Bernacki W.* Op. cit. S. 52.

³² *Ibid.* S. 331.

тельно, возглавили традиционалисты. Свое негативное отношение к польской Конституции поспешили выразить и соседи Речи Посполитой (прежде всего, Россия), не заинтересованные в реформировании государственного устройства Польши из-за опасения того, что реализация преобразований, инициированных депутатами-реформаторами во главе с королем, приведет к усилению Речи Посполитой и утрате внешнего контроля над внутренней политикой страны. Как известно, именно Петербург активно способствовал созданию Тарговицкой конфедерации (1792), целью которой была ликвидация – всего лишь провозглашённой – Конституции, претворение которой в жизнь привело бы к кардинальным изменениям государственно-политической системы Польши.

Список литературы:

1. *Bernacki W.* Myśl polityczna I Rzeczypospolitej. Kraków: ARCANA, 2011. 430 s.
2. *Grześkowiak-Krwawicz A.* Czy rewolucja może być legalna? 3 maja 1791 w oczach współczesnych. Warszawa: DiG, 2012. 226 s.
3. *Konopczyński W.* Polscy pisarze polityczny XVIII wieku. Kraków: Ośrodek Myśli Politycznej, 2012. 582 s.
4. *Markiewicz M.* Historia Polski. 1492–1795. Kraków, 2009
5. *Skarga P.* Kazania sejmowe. Wrocław: FOKA, 2010. 176 s.
6. *Starowolski S.* Reformacja obyczajów polskich. Kraków: Wydanie Kazimierza Józefa Turowskiego, 1859. 182 s.
7. *Stasiak A. M.* Teoria władzy monarszej czasów stanisławowskich. Lublin: KUL, 2013. 545 s.
8. *Staszic S.* Przestrogi dla Polski. Wrocław: FOKA, 2010. 234 s.
9. *Zielinska Z.* Republikanizm spod znaku Buławy. Publicystyka Seweryna Rzewuskiego z lat 1788-1790. Warszawa, 1988. 440 s.

POLITICAL STRUCTURE RZECZPOSPOLITA IN THE VIEWS OF PUBLICISTS THE END OF THE XVIII CENTURY

Nikolay Demyanoskiy

Saint Petersburg State University, Faculty of History, *Saint Petersburg, Russia*

The article is devoted to the debate in the Polish social thought in the second half of the XVIII century around the question of the need to preserve the monarchy election. Severin Zhevussky, the most significant representative of the traditionalists who sought to preserve the foundations of the Polish-Lithuanian Commonwealth, insisted that all the troubles in Poland come from «foreign influence». His best-known opponent was Hugo Kołłątaj, a supporter of reform, one of the authors of the Constitution of May 3, 1791 in elective monarchy he saw a threat to the existence of an independent Commonwealth. The author notes that both parties argues linked the future of the Commonwealth with a republican

form of government. The author concludes that in spite of the proclaimed in the Constitution of 1791 the principle of the transfer of the throne hereditary, elected monarchy institution during the second partition of Poland (1793) was restored.

Keywords: *Hugo Kollqataj, Seweryn Rzewuski, free election, The Constitution of 3 May, 1791, The Partitions of the Lithuanian-Polish Commonwealth.*

Об авторе:

ДЕМЯНОВСКИЙ Николай Александрович – аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, Институт Истории, (Санкт-Петербург, Менделеевская линия 5, 199034), e-mail: demyanovich@list.ru

About the author:

DEMYANOSKIY Nikolay – the Graduate Student, The Saint Petersburg State University, The Faculty of History, (Saint Petersburg, Mendelejwskaja lin.5, 199034), e-mail: demyanovich@list.ru

Статья поступила в редакцию 10.08.2015 г.